

- ⁴⁶ Липская Н. А. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанайцев (гольдов) // Сов. этнография. 1940. № 3. С. 250—256.
- ⁴⁷ Иванов С. В., Левин М. Г., Смоляк А. В. Нанайцы. (В основу описания дореволюционного быта положена статья Н. А. Липской «Нанайцы») // Народы Сибири. М., Л.; 1956. С. 783—816.
- ⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 25. Л. 13.
- ⁴⁹ О В. В. Екимовой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 28; 143; 393; 426. Л. 30.
- ⁵⁰ В Институте этнографии АН СССР одно время существовало деление на кабинеты, в которых сосредоточивалась научно-исследовательская работа, и отделы МАЭ, входившего в состав института. В феврале 1941 г. кабинеты и отделы были слиты, новое структурное подразделение получило название отдела.
- ⁵¹ Екимова В. В.: О прикладном народном искусстве в Узбекистане // Сов. этнография. 1940. № 4. С. 187—192; Среднеазиатские кувшины для растительного масла // Сб. МАЭ. 1949. Т. 10. С. 101—206; Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1959. С. 343—378.
- ⁵² Об А. А. Луканиной см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 56.
- ⁵³ О В. Е. Краснодембском подробнее см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 29; 132; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 301; 373; Вологодина В. Н. Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 174.
- ⁵⁴ Уже после войны, в 1951 г., в Издательстве АН СССР в Москве вышел «Урду-русский словарь». Авторы его Бескровный В. М. и Краснодембский В. Е. Позднее была опубликована еще одна статья: Краснодембский В. Е. Индуизм // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.; Л., 1957. С. 263—281.
- ⁵⁵ Об О. К. Кузнецовой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 49.
- ⁵⁶ Об А. Н. Стариковой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 91.
- ⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 5.
- ⁵⁸ Там же. Л. 21.
- ⁵⁹ Там же. Л. 25.
- ⁶⁰ Там же. Л. 42; Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 8.
- ⁶¹ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 81, 82.
- ⁶² О П. А. Смелове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 352; 426. Л. 88; Оп. 1 (1945). Д. 18. Л. 50; Ф. 4. Оп. 2 (1931). Д. 73. Л. 175; Оп. 4. Д. 2934.
- ⁶³ О Е. И. Зинюк см.: Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 35.
- ⁶⁴ О В. П. Леонтовской см.: Там же. Л. 54.
- ⁶⁵ О Т. В. Кристман см.: Там же. Л. 47; Оп. 1 (1943). Д. 34. Л. 8.
- ⁶⁶ О П. Е. Васильевой см.: Там же. Оп. 5. Д. 426. Л. 23.
- ⁶⁷ О М. Г. Гостиловской см.: Там же. Л. 23.
- ⁶⁸ Об Э. Г. Габер см.: Там же. Л. 19.
- ⁶⁹ Лихачев Дм. Как мы остались живы // Нева. 1991. № 1. С. 11.

Playing the last honours

The above are short biographies of the ethnographers and museum workers who died in the blockaded Leningrad in 1942—1943.

A. M. Reshetov

© 1995 г. ЭО, № 2

Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт

ГОДЫ ВОЙНЫ В ЖИЗНИ С. П. ТОЛСТОВА

Согласно семейному преданию, Павел Сергеевич Толстов встретился со своей женой, сестрой милосердия, во время русско-японской войны. В январе 1907 г. в Санкт-Петербурге у них родился сын Сергей. Отец мальчика, отважно сражавшийся в первой мировой войне, умер от туберкулеза в Ялте в 1916 г. Он был полковником лейб-гвардии Сводно-казацкого полка. Три его старших сына воспитывались в кадетском корпусе. Достаточно известен по истории гражданской войны их дядя Владимир Сергеевич, генерал-лейтенант, атаман Уральной казачьего войска (1884—1956). Дед Сергей Евлампиевич, генерал от кавалерии, был расстрелян в 1920 г.¹

✓ С. П. Толстов — начальник Хорезмской экспедиции.
1954 г. Сарыкамышский маршрут

Приводимые сведения — не дань моде. Они, как нам представляется, позволяют понять некоторые черты характера Сергея Павловича, объясняют истоки его готовности к войне и храбрости, проявленной на фронте. Главное же, следует помнить, что почти всю свою жизнь он прожил под дамокловым мечом. Небольшой пример. В один недоброй памяти год ученый, завоевавший позднее значительную известность, дискутируя о путях передвижения кочевников, бросил Толстову: «Смог же ваш родной дядя увести своих казачков через Каракумы...».

И тем не менее в личном листке по учету кадров, в графе 6 (социальное происхождение) Сергей Павлович ставит — казак². Вне всякого сомнения, он гордился таким происхождением, да и выглядел, особенно в экспедиции, как казачий командир³ (рис. 1). В низовьях Амударьи с давних времен обитали потомки непокорных казаков — уральцы. Как-то двое из них, наши рабочие, встречали вместе с другими прилетевшего из Москвы Сергея Павловича. Едва он появился на трапе, они в один голос воскликнули: «Да он из наших!»

С 1918 по 1923 г., как пишет Толстов в своей служебной автобиографии, он находился в детском доме⁴. В этом, видимо, хорошем доме на Истре воспитывались и его братья Николай, Георгий и Алексей. Первый из них стал прекрасным художником, второй — профессором математики, генералом, а младший, капитан речного флота, был убит на Великой Отечественной.

Теперь время перейти к заявленной теме. Как многие настоящие фронтовики, Толстов мало говорил о войне. Мы, к сожалению, не успели расспросить ни его, ни людей, воевавших рядом. Поэтому приходится основываться на сведениях из личного дела, отрывочных воспоминаниях нескольких людей о беседах с Сергеем

Павловичем и другими ополченцами, а также на документальной литературе о Московском народном ополчении.

Как известно, запись добровольцев из числа лиц, не подлежащих призыву по мобилизации, была объявлена 4 июля. Одна из двенадцати дивизий, 8-я, формировалась в Краснопресненском районе. Есть две памятные доски на домах, где были ее сборные пункты. Одна из них на бывшем здании юридического факультета МГУ. Сюда, на улицу Герцена в дом 11, очевидно, и пришел с «кружкой и ложкой» профессор университета, заведующий кафедрой этнографии С. П. Толстов. Согласно сохранившимся ведомостям центральной бухгалтерии, из Московского университета в 8-ю дивизию пришло 1065 человек, в том числе 163 историка. Здесь были почти все профессора истфака во главе с деканом С. Д. Сказкиным: А. В. Арциховский, К. В. Базилевич, Б. Н. Заходер, М. С. Зоркий, Г. С. Кара-Мурза, А. Л. Сидоров, С. П. Толстов, И. Д. Удальцов. Именитые ополченцы шутили, что в любой момент могут провести в дивизии заседание ученого совета факультета⁵.

11 июля части Краснопресненской дивизии походным порядком выступили из Москвы по Волоколамскому шоссе в лесной массив близ станции Нахабино⁶. Университетские ополченцы в своей одежде шли в рядах артиллерийской части, командиром которой был назначен полковник Д. А. Юревич⁷. Вооружение поначалу было скудным (учебные винтовки, собранные по району), а частично и экзотичным: французские пушки времен первой мировой, польские гранаты и винтовки без ремней: их заменяли веревки⁸. Видимо, большинство профессоров и преподавателей бравого вида не имели⁹. Во всяком случае, А. Ф. Медведев вспоминал, что среди них явно выделялся С. П. Толстов: «профессор, которого учить было нечему».

Прекрасный строевик и топограф, он сразу был назначен командиром отделения разведки 2-й батареи противотанкового дивизиона, а потом командиром взвода топографической разведки артполка¹⁰. Надо заметить, что назначение на взвод ополченца, не являвшегося командиром запаса, было в дивизии редким исключением¹¹.

В конце июля Краснопресненская дивизия стояла западнее г. Рузы. Видимо, сюда пришло распоряжение об отзыве профессоров и преподавателей, необходимых для военных разработок и нормального учебного процесса в университете. Конечно, это было разумное решение, и никто не может упрекнуть подчинившихся ему. Но три профессора отказались покинуть свои части¹². Это были экономист А. Ф. Кон, зав. кафедрой новой истории М. С. Зоркий и С. П. Толстов. В начале октября первые двое были убиты.

Дивизия рыла окопы, училась, обмундировывалась, получала вооружение. Так, в политдонесении политотдела дивизии от 30 июля наряду с тем, что «политико-моральное состояние личного состава части здоровое», отмечено прибытие на прицепах автомашин двадцати семи 76-миллиметровых пушек¹³. Была у артиллеристов и конная тяга.

В начале сентября краснопресненские ополченцы заняли оборонительный рубеж на Днепре севернее г. Дорогобужа. Дивизия вошла в 32-ю армию Резервного фронта, которым командовал С. М. Буденный. Соединение оседлало железную дорогу и автомагистраль Москва — Смоленск. Расположившись на выгодных позициях, ополченцы быстро превратили их в сильный укрепленный район. Была улучшена сеть окопов и ходов сообщения, построены доты и дзоты, поставлены проволочные заграждения и минированы танкодоступные направления. Артполк оборудовал артиллерийские позиции и пристрелял цели в полосе обороны¹⁴. Видимо, к этому времени относился веселый рассказ С. П. Толстова о тренингах, которые иногда возникали между командирами и орудийными расчетами. Дело в том, что те обычно были укомплектованы студентами и аспирантами — математиками, которые искали наиболее «изящные» решения задач по стрельбе, явно отклоняясь от предписанных наставлением. А еще Сергей Павлович говорил, что до начала боев ему удавалось много думать, и думалось ему хорошо. О чем

С. П. Толстов — командир взвода. 1941 г.

размышлял ученый, ставший командиром взвода, можно только догадываться... (рис. 2).

26 сентября ополченческие формирования были включены в состав кадровых войск и, в большинстве своем, сменили номера. Однако дивизия, комплектовавшаяся в Краснопресненском районе, сохранила свой номер и стала 8-й стрелковой дивизией. Ее артиллерийский полк (его еще называли «университетским») получил наименование 975-го артполка¹⁵.

30 сентября танковая армия Гудериана ударила по войскам Брянского фронта. 2 октября враг перешел в наступление против Западного и стоявшего позади него Резервного фронтов. Разворачивалась стратегическая операция «Тайфун».

Днем 2 октября 8-я стрелковая дивизия получила приказ сняться со своих позиций и совершить марш-бросок на юг в сторону Ельни, где фронт был прорван. Как можно понять из воспоминаний, оставлять укрепления, которые дивизия совершенствовала более месяца, было очень тяжело¹⁶. Дивизии пришлось принять бой в условиях, хуже которых придумать трудно: без линии фронта, без полевых укреплений и подвоза боеприпасов, втягиваясь в схватки по частям и часто подвергаясь танковым ударам на марше. В с. Уварово во время танковой атаки были убиты командир дивизии комбриг Д. П. Скрипник и ее комиссар¹⁷. Тяжелейшие бои шли в районе деревень Лозино и Кувшиново юго-восточнее Ельни. На второй день боев начальнику штаба полковнику Ф. П. Шмелеву удалось связаться с командующим 24-й армией (в ее состав дивизия была передана накануне боев) и получить приказ об отходе. На вопрос, куда двигаться, было сказано: «Куда пробьетесь, потому что вы окружены со всех сторон»¹⁸.

В середине дня 5 октября взвод разведки и взвод С. П. Толстова получил приказ прикрывать отход штаба 975-го артполка, обоза и артиллерийских батарей¹⁹. Утром 7-го пушки заняли огневые позиции близ с. Усть-Демино при

слиянии речки Демино и известной в русской истории Угры. Артиллеристы должны были задержать врага и помочь отходу стрелковых частей. В это время отряд, сведенный из остатков 8-й стрелковой дивизии и других частей 24-й армии, вел бой в окруженной д. Кувшиново. Огонь пушек помог вырваться отдельным группам этого отряда. Стрельба в этом случае должна была вестись на дальнюю дистанцию. Но главными целями были две проселочные дороги, проходившие справа и слева от батарей. С. П. Толстов с разведчиками выдвинулся на наблюдательный пункт, чтобы корректировать огонь с закрытых позиций. Вскоре появилась колонна мотопехоты. На этот раз артиллеристы имели много снарядов и вели залповый огонь. Враг заметался и отступил. Пресечена была и попытка прорваться по второй дороге. В середине дня противник, усиленный артиллерией, пошел в третью атаку. Пушки были выдвинуты на прямую наводку. На огневые позиции и наблюдательный пункт немцы обрушили всю мощь своих огневых средств²⁰. Одно за другим замолкали наши орудия. Можно думать, что в этом бою С. П. Толстов получил легкую контузию.

Захватив Усть-Деменск и другие пункты, противник отрезал артиллеристов от стрелковых частей. Штаб 975-го артиллерийского полка отдал приказ об отходе на север. К этому времени узлы дорог и переправы уже были захвачены немцами, и прорываться пришлось разрозненными группами. Один из отрядов (поначалу человек 100) повел из окружения С. П. Толстов²¹. Судя по всему, они остались вне основного, самого плотного, кольца окружения, замкнувшегося западнее Вязьмы. Там бились основные силы 19, 20, 24 и 32-й армий. Их упорство и стойкость, как отмечал впоследствии Г. К. Жуков, позволили выиграть драгоценное время для организации обороны на Можайской линии²². Против 8-й стрелковой дивизии, судьба которой сложилась столь трагически, действовала 15-я моторизованная гренадерская дивизия с танковым усилением. Она была настолько обескровлена, что из-под Вязьмы ее отвели для пополнения²³.

Окруженцы, которых выводил Толстов, с оружием, неся раненых, двигались к Можайску. Сергей Павлович гордился тем, с какой точностью, пройдя около 200 км, отряд достиг окрестностей этого города.

На короткое время перенесемся в 1950 г. Той осенью было опубликовано решение о строительстве Главного Туркменского канала, и Толстов немедленно повел отряд своей экспедиции по предполагаемой трассе в Каракумы. Двигались на грузовиках ГАЗ-2А, единственным достоинством которых была относительная легкость²⁴. В глубине песков на топографической карте были обозначены какие-то развалины, и пешая группа двинулась к ним. Руины двух небольших туркменских мазаров назвали Кош-гумбес и пошли обратно. Для Сергея Павловича было аксиомой, что в разумно организованной экспедиции приключений быть не может²⁵. Но на этот раз оно все же состоялось. Все измотались уже на первой половине перехода и окончательно выбились из сил от зноя и жажды в конце его. Два обстоятельства выручили нас: шоферы, оставленные на дороге, догадались ездить взад и вперед по колее, пересекавшей маршрут, с зажженными фарами, а Толстов, несмотря на крайнюю усталость, сумел выдержать правильное направление. В его руке была великолепная фронтальная буссоль, а над головой знакомые звезды. Тогда Сергей Павлович сказал В. Берестову, шедшему рядом, что ощущает себя, как во время ночных переходов к Можайску.

Ну, а 20 октября 1941 г. бои шли уже в 12 км восточнее этого многострадального города. Отряд Толстова прорвался к своим около станции Шаликово (Шаликова) и немедленно включился в бой²⁶. 21 октября Сергей Павлович был тяжело ранен в ногу. Фронт отодвинулся еще на 30 км и стал близ Кубинки. Только отсюда раненых смогли отправить в госпитали²⁷. Трудно представить, как смог проделать последний отрезок своего фронтального пути обезноженный артиллерист. На историческом факультете были убеждены, что спас его молодой археолог Александр Филиппович Медведев. Одновременно говорили, что он вывез порученную ему пушку. Если это не легенда, можно предположить, что Сергей Павлович добрался до Кубинки на лафете этого орудия.

19 октября в Москве было объявлено осадное положение. Раненых стремились из города увезти. Находившийся между жизнью и смертью из-за запущенной раны С. П. Толстов был отправлен в глубокий тыл. В пути следования с ним произошел трудно объяснимый эпизод. На какой-то станции близ Ташкента раненый, лежащий на носилках, был оставлен в одиночестве. Его подобрал санпоезд, следовавший в Красноярск²⁸. Может быть, сам Толстов добился, чтобы его оставили в милой сердцу Средней Азии, а медики по какой-то причине не успели оформить передачу его местному эвакуопункту?

Узнав о пребывании С. П. Толстова в красноярском госпитале, его сразу навещил Борис Осипович Долгих, работавший в местном музее. Он нашел раненого крайне истощенным и выходил его, покупая продукты на последние деньги и даже продавая вещи. Посетивший после выздоровления комнату семейства Долгих С. П. Толстов был поражен царившей там бедностью²⁹. Перед выпиской Сергей Павлович стал добиваться возвращения в армию. Известна его телеграмма на исторический факультет с просьбой о содействии в этом деле. Однако какой-то комиссар, по всей видимости комиссар госпиталя, заявил, что профессора никто в армии держать не станет. В январе 1942 г. приказом штаба Сибирского В. О. С. П. Толстов был демобилизован и направлен по месту работы в Академию наук СССР³⁰.

«Местом работы» С. П. Толстова накануне войны было Московское отделение Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК), где он являлся с 1934 г. старшим научным сотрудником, ученым секретарем, а с 1939 г. — заведующим отделением. Одновременно Сергей Павлович с 1939 г. заведовал кафедрой этнографии на историческом факультете МГУ. Однако, возвратившись из Сибири, он не застал бы в Москве ни своего института, ни истфака МГУ: они были уже эвакуированы в разные города и республики страны. Значительная часть сотрудников гуманитарных академических институтов, в том числе ведущих ученых институтов истории, востоковедения, истории материальной культуры и др., сосредоточилась в Ташкенте, образовав там «ташкентские группы» и продолжая научно-исследовательскую работу в тесном содружестве с учеными Узбекстанского филиала АН СССР (УзФАН), в 1943 году преобразованного в Академию наук Узбекской ССР. В Ташкенте во время войны находились многие крупнейшие историки страны: академик Б. Д. Греков, академик В. В. Струве — выдающийся историк-востоковед, возглавлявший в то время Институт востоковедения АН СССР и объединивший в Ташкенте большую группу своих сотрудников-ленинградцев, спасшихся от голода и гибели в блокадном Ленинграде.

Среди членов-корреспондентов АН СССР в Ташкенте были востоковед А. Ю. Якубовский, К. В. Тревер — историк, археолог и искусствовед, Е. Э. Бертельс — специалист по истории таджикской, персидской и тюркских литератур, А. Д. Удальцов, руководивший комиссией по этногенезу. Там же работали В. К. Жирмунский — специалист по общему языкознанию, истории литературы, фольклора и по эпосу тюркоязычных народов, историк-востоковед И. П. Петрушевский, историк М. В. Нечкина и многие другие³¹.

Сложилась в Ташкенте и группа этнографов — в нее вошли сотрудники Института этнографии АН СССР, эвакуированные из Ленинграда, уцелевшие после страшной блокадной зимы 1941—1942 гг., когда от голода там погибла значительная часть его коллектива³². Уже в первые дни войны в институте, объединенном с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (одним из старейших научных учреждений России, на базе которого в 1930-х годах создавался этот институт), началась пора тяжелых испытаний и утрат^{*}.

С. П. Толстов приехал в Ташкент в 1942 г. совершенно неожиданно: в Академии потеряли с ним связь и считали пропавшим без вести или погибшим в боях. Рассказывают, что на двух заседаниях коллеги даже помянули его память вставанием.

* Об этнографах-ленинградцах см. статью А. М. Решетова в этом номере журнала и в № 3.

В Ташкенте он сразу встал в строй. С. П. Толстов застал здесь большинство своих сослуживцев — сотрудников ИИМКа, многих востоковедов, археологов, историков, этнографов из других академических институтов, а помимо них встретился вновь с давно знакомыми учеными Узбекистана, с которыми был связан научным сотрудничеством задолго до войны. Среди них ближе всех ему был Я. Г. Гулямов, начавший еще до Толстова историко-археологические исследования в Хорезме. С 1938 г. он работал в составе Хорезмской археологической экспедиции ИИМК, организованной С. П. Толстовым, сдружился с ним и вскоре стал заместителем начальника экспедиции. Это был первый узбекский специалист-археолог; в 1942 г. он заведовал Отделом археологии в Узбекском филиале Академии наук (УзФАН).

С. П. Толстов быстро включился в научную жизнь эвакуированных в Ташкент ученых, связавших в эти годы свои исследования не столько с продолжением работы по довоенным планам своих институтов, сколько с участием в разработке среднеазиатской тематики, с помощью в подготовке высококвалифицированных научных кадров для АН Узбекской ССР и участием в издании трудов, соответствующих нуждам военного времени, — научных и научно-популярных. Можно привести много примеров выполнения этих задач.

Одной из главных тем местных историков в эти годы была подготовительная работа к созданию первого обобщающего труда по истории узбеков и Узбекистана; именно в этом им оказали большую помощь крупнейшие востоковеды и историки из Москвы и Ленинграда, в первую очередь Б. Д. Греков, В. В. Струве, С. В. Бахрушин, А. Ю. Якубовский, И. М. Дружинин, К. В. Тревер, М. В. Нечкина, С. П. Толстов³³. Надо было обсудить многие неразработанные вопросы истории, обеспечить их исследование, определить состав авторского коллектива, выявить спорные оценки исторических событий и исторических деятелей. «Многokrатно и оживленно обсуждались контуры намеченного издания, его общий характер, тщательно подбирались квалифицированный коллектив авторов-историков по отдельным разделам... Главное — всему этому способствовал обмен мнений по важнейшим вопросам истории, методологический подход к познанию этногенеза и др.»³⁴

Помимо участия в подготовке первого издания «Истории народов Узбекистана» В. В. Струве вместе с сотрудниками своего института активно участвовал в организации исследований узбекских востоковедов, содействуя подготовке к созданию в Узбекистане своего востоковедческого центра; он читал лекции в САГУ (Среднеазиатский гос. университет, позднее — ТашГУ), консультировал местных педагогов и научных работников, выступал с лекциями на различные исторические темы не только в учебных заведениях, но и для жителей старого города в чайханах, клубах, махалля, перед молодежью³⁵. К. В. Тревер была зачислена научным сотрудником в УзФАН и начинала авторскую работу по древнейшему периоду истории Средней Азии (VI—IV вв. до н. э.). А. Ю. Якубовский возглавлял кафедру истории Средней Азии в САГУ, читал лекции по древней и средневековой истории Средней Азии, написал вызвавшую огромный интерес брошюру «К вопросу об этногенезе узбекского народа» (Ташкент, 1941), не утратившую научного значения до наших дней. Актуальным в те годы стало и написанное им в соавторстве с московскими историками методическое пособие для учителей высшей школы «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны» (Ташкент, 1942). Академик В. М. Жирмунский в годы жизни в Ташкенте глубоко заинтересовался тюркским, в том числе узбекским фольклором и эпосом; он тесно сотрудничал с известным узбекским фольклористом Х. Т. Зарифовым, готовя в соавторстве с ним капитальную монографию «Узбекский народный героический эпос»³⁶.

Как и другие ученые Москвы и Ленинграда, С. П. Толстов вел в Ташкенте разностороннюю работу — авторскую, научно-исследовательскую, научно-организационную. Он участвовал в авторском коллективе упомянутого выше методического пособия для вузов («Преподавание истории в период Великой Отечественной войны»); ему принадлежат две главы — о народах Средней Азии в

древний период и в средние века; он был соавтором книги «25 лет советской науки в Узбекистане» (Ташкент, 1942) по разделу «Археология»; написал интересную, яркую брошюру «Древняя культура Узбекистана» (Ташкент: УзФАН, 1943), изданную под грифом «Библиотечка бойца» на русском и узбекском языках.

Большое внимание С. П. Толстов уделил подготовке «Истории народов Узбекистана», приняв участие в составлении программы и проведении научной сессии по этногенезу народов Средней Азии. Эта сессия, состоявшаяся в Ташкенте в августе 1942 г., была организована комиссией по этногенезу Отделения истории и философии АН СССР и открылась докладом А. Д. Удальцова о теоретических основах этногенетических исследований. На сессии выступили с докладами крупнейшие исследователи Средней Азии — историки, археологи, этнографы, востоковеды, антропологи (А. Ю. Якубовский, К. В. Тревер, С. П. Толстов, И. И. Умняков, А. Н. Бернштам, Н. А. Кисляков, Г. И. Карпов, Л. В. Ошанин, В. В. Гинзбург, М. М. Герасимов и др.). С. П. Толстов выступил с двумя докладами: «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии» и «Аральский узел этногенетического процесса»³⁷.

Сессия имела большое научное значение, вошла в историю среднеазиатской этнографии. На ней впервые встретились ученые нескольких научных центров — Москвы, Ленинграда, среднеазиатских республик, — получив возможность провести дискуссию по одной из сложнейших и мало разработанных проблем истории региона. Впервые проблема этногенеза рассматривалась как общерегиональная и подлежащая комплексному междисциплинарному исследованию; были намечены и основные, узловые этапы этногенеза каждого из народов Средней Азии, «когда и где этногонический и глоттогонический процесс данного народа достигает ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этнолингвистические результаты»³⁸.

Материалы сессии — тезисы (а частично и тексты) 15 докладов были опубликованы уже после войны, в 1947 г. в сборнике «Советская этнография»; этот сборник содержал работы военных лет и посвящался светлой памяти этнографов и антропологов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в Ленинграде во время блокады.

Через два дня после окончания сессии, 31 августа 1942 г., Сергей Павлович защищал докторскую диссертацию по рукописи своего капитального труда «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования» на заседании ученого совета Института истории АН СССР. Несмотря на неполадки, обычные для Ташкента военного времени (погасло электричество — заседали при свечах), защита прошла блестяще, диссертанту была присвоена ученая степень доктора исторических наук³⁹.

В конце года произошло событие, в корне изменившее его научный статус и научную деятельность. Президиум АН СССР, обсудив бедственное положение Института этнографии АН СССР, наметил ряд мер по его восстановлению и перестройке. В постановлении Президиума от 22 декабря 1942 г. директором института был назначен С. П. Толстов; ему поручалось и создание новой Московской группы института. В состав последней передавалась, вместе со штатами и бюджетом, «Группа карт народов», незадолго до этого перешедшая в Академию из МГУ. Передавалась институту также и созданная в 1939 г. при Отделении истории и философии комиссия по этногенезу⁴⁰. Перед С. П. Толстовым была поставлена трудная и ответственная задача — восстановить и обновить работу института. Начался новый этап в его жизни. Но война еще продолжалась.

* * *

1943 г. был исключительно трудным для С. П. Толстова. Институт этнографии был расчленен; в Ленинграде оставалась маленькая самоотверженная группа сотрудников, обескровленная войной и блокадой. Голодая и замерзая, они продолжали охранять и спасать огромный музей, его свернутые и запакованные кол-

лекции. Ташкентская группа института была далеко и поддерживать с ней связь было трудно — перегруженные железные дороги в военное время стали почти недоступны. В Москве же только предстояло создавать коллектив и многое этому препятствовало. Главные научные этнографические учреждения — Музей народов СССР и кафедра этнографии МГУ — были эвакуированы. Не было для института ни людей, ни помещения.

Директору необходимо было восстановить ленинградскую часть института, привлечь в нее новых специалистов взамен убитых и умерших с голоду, число которых составляло около половины довоенных штатов; надо было и обеспечить условия работы для постепенно возвращавшихся после прорыва блокады эвакуированных сотрудников⁴¹. Больших усилий стоило вернуть в Ленинград Н. А. Кислякова, находившегося в Иране, в Посольстве СССР, в должности референта (атташе). Вернувшись в институт, он включился в работу по восстановлению музея и вскоре был назначен его руководителем. Заместителем директора по Ленинградской части института был назначен доктор исторических наук Н. Н. Степанов. Однако реэвакуация ташкентской группы шла медленно, завершившись только в 1945 г. Тогда же пришли в институт высококвалифицированные этнографы — Т. В. Станюкович и Л. П. Потапов; последний позднее сменил Н. Н. Степанова, став надолго заместителем Сергея Павловича по Ленинградской части Института.

Чтобы привлечь и собрать в Институте в Москве ведущих этнографов, антропологов и других необходимых специалистов, С. П. Толстов использовал свои давние связи с преподавателями кафедры этнографии МГУ, институтом, музеем и кафедрой антропологии МГУ, с Музеем народов СССР. Последний так и не восстановился после реэвакуации из Омска: его коллекции были переданы в Музей этнографии народов СССР (Ленинград), так как его собственное прекрасное здание на Воробьевых горах заняло другое академическое учреждение. Значительная часть бывших сотрудников этого музея пришла в Институт этнографии, став его научными работниками, докторантами, аспирантами (среди них — С. А. Токарев, В. Н. Белицер, Г. С. Маслова, А. И. Козаченко, В. К. Гарданов, Е. М. Шиллинг, С. П. Русаякина, Т. А. Жданко, Е. И. Махова, О. А. Корбе и др., а также П. И. Кушнер, перед войной работавший в музее). Перешли в Институт (в штат, по совместительству или в докторантуру и аспирантуру) и некоторые антропологи из МГУ, в том числе такие корифеи этой науки, как В. В. Бунак, Н. Н. Чебоксаров, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, М. М. Герасимов. Много сил и труда приложил С. П. Толстов, чтобы добиться (с риском утратить свою репутацию «в верхах») прописки в Москве, выдачи продовольственных карточек и зачисления в институт таких превосходных этнографов, как Ю. П. Аверкиева и Б. О. Долгих, репрессированных и лишь незадолго до того восстановленных в правах⁴².

Вернувшиеся из эвакуации и остававшиеся в Москве этнографы тоже пострадали, им нужна была постоянная помощь в бытовых делах, в создании условий для научной работы. Помнится, как Сергей Павлович вызывал в свой кабинет хозяйственника, общественников, требуя достать ордер на шерстяную ткань для костюма Н. Н. Чебоксарову, чтоб он мог ходить в нем на академические собрания, читать лекции, встречаться с иностранными учеными. Память о помощи института в тяжелые военные и послевоенные годы надолго сохранилась у сотрудников первого «набора» его штатов⁴³. Постепенное возвращение в Москву и восстановление кафедры этнографии, где Толстов опять стал читать лекции, дало возможность привлечь в аспирантуру молодежь из выпускников МГУ. Этому способствовало служебное положение Сергея Павловича, который в середине 1940-х гг. был одновременно директором Института этнографии, деканом Исторического факультета МГУ и заведующим кафедрой этнографии этого факультета.

«Академический Институт этнографии, организованный в конце Великой Отечественной войны в Москве, — писал в своих мемуарах недавно опубликованных нашим журналом, В. П. Алексеев, — сконцентрировал блестящие силы. Почти все крупные московские этнографы и многие антропологи либо были сотрудниками

института, либо привлекались к его работе в качестве авторов коллективных трудов, консультантов и членов Ученого совета. Именно поэтому профессиональная атмосфера была высокоинтеллектуальной, а научная жизнь кипела ключом... Вокруг маститых группировалось много молодежи... Директор и создатель института С. П. Толстов... был незаурядным организатором, чем и объясняется столь высокий профессиональный уровень институтских сотрудников»⁴⁴.

В институте восстанавливались прежние научные сектора, создавались новые. Его структура отражала комплексный характер этнографических исследований, сложившийся в те годы. Наряду с региональными этнографическими секторами формировались отделы, сектора и другие подразделения: антропологии, фольклора, этнической картографии. Некоторые из них имели по две группы сотрудников — в Москве и Ленинграде.

Главой восстановленного сектора Кавказа стал проф. М. О. Косвен, отдела антропологии — проф. В. В. Бунак, сектором Сибири заведовал ленинградец А. А. Попов, вновь организованным сектором этнической статистики и картографии — П. И. Кушнер, фольклористов возглавил проф. П. Г. Богатырев, отделом Австралии и Океании (позднее и Америки) руководил С. А. Токарев; Европы — Н. Н. Чебоксаров; специалисты по Восточной и Южной Передней и Средней Азии сосредоточились в те годы в Ленинграде, но в конце 1944 г. в Москве начала работать под руководством С. П. Толстова секция Востока, объединившая москвичей — специалистов по народам Передней и Средней Азии и Африки⁴⁵. Расширялась деятельность славяно-русской группы, работавшей вначале совместно со славянской секцией Московского отделения ИИМК. Подразделения института, изучавшие проблемы этнографии народов СССР, устанавливали научные связи с республиканскими академическими учреждениями, координируя их исследования со своими.

В задачу авторов данной статьи не входит рассмотрение научной деятельности Института этнографии на ранних этапах его истории — этой теме посвящена значительная литература⁴⁶. Однако нельзя не сказать о том, как связана была научная жизнь института с запросами военного времени, как она была проникнута ими. Институт этнографии постоянно получал и выполнял задания директивных органов, а иногда и непосредственно командования Вооруженных сил, требовавших у него предоставления всевозможных материалов: этнографических карт, необходимых сведений о населении стран, представляющих интерес во время войны и после уже ожидаемой победы. Это касалось многих стран и народов Европы и Азии, а также западных и юго-восточных регионов страны. В отделе этнической статистики и картографии разрабатывались демографические данные, работали картографы по материалам, подготовленным для них секторами, изучались историко-этнографические данные по этническим рубежам в разные периоды истории. П. И. Кушнер защитил «закрытую» докторскую диссертацию по своей, тогда неопубликованной монографии «Этническая территория и методы определения ее границ»⁴⁷.

Широко развернулись в эти годы и полевые работы фольклористов института, неотложной задачей которых был сбор и изучение фольклора Великой Отечественной войны⁴⁸. Эту работу вела особенно активно В. Ю. Крупянская. В целом ряде экспедиций, в том числе в Брянскую область, партизанский край, был собран ценный материал: фольклористы записывали песни, рассказы, частушки фронтовиков и партизан об их боях, подвигах, об их командирах. В институте был создан значительный архив; особенно интересны собственные записи, присланные в институт самими фронтовиками и партизанами. Издавались собрания, исследования военного фольклора⁴⁹.

Большое значение приобрели во время войны исследования института по проблемам этногенеза. Актуальность их была очевидна — германо-фашистская пропаганда оперировала множеством псевдонаучных и антинаучных концепций и расистских измышлений о «полноценных» и «неполноценных» расах и народах, о превосходстве «нордической расы» над всеми остальными. Этнографы и антропологи противопоставляли этим бредням научные опровержения.

Уже в 1943 г. Институт этнографии организовал научную сессию, посвященную вопросам этногенеза славян. В ней приняли участие академические Институты — истории, этнографии, археологии; Славянская комиссия АН СССР, университеты Москвы и Ленинграда; Академии наук Украины и Белоруссии; Исторический Музей; Академия архитектуры и др.

В докладах рассматривались вопросы изучения славянского этногенеза (А. Д. Удальцов), антропологические данные о формировании славянских племен (Г. Ф. Дебец), сведения о культурном единстве славян в средние века (А. В. Арциховский), о происхождении болгарского народа (Н. С. Державин), о происхождении белорусского народа (В. И. Пичета) и др. С. П. Толстов выступил с докладом «Из предыстории Руси»⁵⁰. Обсуждались доклады, узловые проблемы этногенеза славянских народов.

Не приходится доказывать, как важна была эта сессия и доложенные на ней исследования в области славистики и этнической антропологии в годы оголтелой фашистской пропаганды расизма⁵¹.

Конечно, не прекращались и систематические научные исследования сотрудников всех подразделений института в области «мирной» тематики.

Все годы войны С. П. Толстов поддерживал контакт как с Ленинградским отделением, так и с Ташкентской группой, ликвидированной только в 1945 г. Там велась значительная научная работа, главным образом над девятитомником «Народы мира» — изданием несколько другого профиля, чем серия, начатая позднее и расширенная до 18 томов. В 1943 г. ленинградцы организовали и провели две научные сессии: в Ташкенте — по проблемам первобытного искусства (совместно с ИИМК и кафедрой искусствознания САГУ) и в Самарканде в содружестве с местным музеем — по этнографии народов Средней Азии. Большая научная конференция была созвана Институтом этнографии в 1944 г. по этнографии и фольклору Средней Азии с представительным участием ученых республик Средней Азии: М. С. Андреева, С. Ауэзова, М. Е. Массона, О. А. Сухаревой, А. К. Писарчик, Н. Н. Ершова, В. Г. Мошковой и др. Конференцией руководили члены-корреспонденты АН СССР В. Ф. Шишмарев и В. М. Жирмунский⁵².

Очевидно, для ленинградских этнографов, покинувших в беде свой город и Институт, свои домашние очаги, встреча в Самарканде с таким широким кругом коллег, знакомство с их научной жизнью, их дружеское сочувствие имели значение не только «пользы для науки» — это была и большая моральная поддержка.

Сергей Павлович совместно с «ташкентскими ленинградцами» и историками Академии наук Узбекистана продолжал работу (рецензирование, редактирование) над первым томом Истории народов Узбекистана. Авторами труда были К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский и М. Э. Воронец. Эта долгожданная в республике книга вышла в свет только в 1950 г. под редакцией С. П. Толстова, В. Ю. Захидова, Я. Г. Гулямова и Р. Н. Набиева.

Сотрудничеством в подготовке этого капитального издания ученых центра — Академии наук СССР со среднеазиатскими учеными Толстов очень дорожил: такое сотрудничество было одним из главных принципов его руководства научно-исследовательскими работами и стало традицией института.

Соредакторов Сергея Павловича, Я. Г. Гулямова и Р. Н. Набиева, связывало с ним долголетнее научное сотрудничество. Как уже отмечалось, Яхья Гулямович работал в его экспедиции уже в 1938 г. Их сближала и огромная любовь к Хорезму — этому «своеобразному среднеазиатскому Египту — одной из древнейших культурных областей нашей страны», как писал об этом крае Сергей Павлович в своем «Древнем Хорезме». Приезжая в Ташкент, он жил у Гулямова, был другом его дома и семьи. Однажды ему пришлось, как очевидцы рассказывали В. Берестову, серьезно заступиться за Гулямова. Это было на базаре в Ташкенте. Какой-то тип принял Яхья Гулямовича за еврея и стал злобно, грубо ругать его и всех евреев. Толстов отреагировал немедленно: произошла быстрая «разборка», в результате которой у Сергея Павловича сильно пострадала рубашка, а у злополучного антисемита издержки оказались значительно более ощутимыми⁵³.

Я. Х. Гулямов, защитив в 1943 г. кандидатскую диссертацию на тему «Хива и ее памятники», приступил к историческому исследованию хорезмской ирригации, начав работу над докторской темой. Когда после успешной защиты работа готовилась к публикации в виде капитальной монографии («История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней». Ташкент, 1950), С. П. Толстов был ее редактором.

Дружил он и с Рашидом Набиевичем Набиевым. Вспоминается, как однажды в Хорезмской экспедиции, в Южных Кызылкумах, во время раскопок замечательного памятника среднеазиатской античности Топрак-калы появился в небе и неожиданно приземлился между барханами, на такыре, близ нашего палаточного лагеря, небольшой самолет. Из него вышел нагруженный толстыми папками с рукописями улыбающийся Рашид Набиевич, радушно встреченный Толстовым. Друзья — соредакторы первого тома первого издания «Истории народов Узбекистана» — долго работали в палатке нашего «шефа», обсуждая и согласовывая непосредственно под мощными стенами великолепного дворца хорезмских царей II—III вв. формулировки авторов «Истории» по сложным и спорным историческим проблемам.

Напряженная научно-организационная деятельность С. П. Толстова, участие и помощь его высокозурдированных сподвижников в создании обновленного института и развитии этнографической науки дали плодотворные результаты. В 1945 г., к концу войны, уже сформировалась структура института, определились основные направления его научных исследований, важнейшие проблемы, программы разработки главных, капитальных коллективных трудов. Был готов к выходу в свет после многолетнего перерыва первый номер Всесоюзного журнала «Советская этнография» и первый выпуск институтского журнала «Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР». Разворачивались прерванные войной полевые исследования — формировались крупные комплексные экспедиции; начала свой первый послевоенный сезон Хорезмская экспедиция — любимое «детище» С. П. Толстова, ставшая тоже комплексной — археолого-этнографической. В Ленинград возвратились все эвакуированные сотрудники. Вскоре после победы в Великой Отечественной войне АН СССР готовилась отпраздновать свой 220-летний юбилей, и коллектив Музея антропологии и этнографии, решив открыть музей к этой праздничной дате, распаковывал, наконец, свои многострадальные коллекции.

Институт этнографии АН СССР стал всесоюзным, крупным этнографическим центром, головным научным учреждением, координирующим этнографические исследования в стране, устанавливал и развивал международные связи и сотрудничество.

Но отголоски войны, тяжелых испытаний, утрат и побед были еще свежи и ощутимы. В институт пришло много фронтовиков. Студенты, недавно демобилизовавшиеся из армии, проходили практику в возобновившихся экспедициях. Так, в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции первых послевоенных лет участвовали М. Воробьева и Г. Латышева — госпитальные сестры, Т. Равдина — санинструктор, главстаршина Ладожской флотилии, О. Вишневская — сержант, служившая в соединении авиационного базирования, Ю. Кноров — рядовой артиллерист, В. Лоховиц — гвардии рядовой из воздушно-десантных войск, Г. Марков — гвардии капитан разведки, Ю. Рапопорт — мл. лейтенант медицинской службы, К. Тарковский — ст. лейтенант, артиллерист, А. Тургенев-Амитиров — мл. лейтенант, артиллерист и др. Один из первых каракалпакских аспирантов нашего института — Сабир Камалов в войну был лейтенантом, командиром взвода⁵⁴. В годы учебы в Москве он часто ложился в госпиталь: снова и снова открывалась тяжелая рана. Это не мешало ему всегда быть жизнерадостным и остроумным любимцем Хорезмской экспедиции. Да и другие недавние фронтовики были веселы и общительны. Смех и песни часто звучали под звездами Хорезма.

Теперь более половины этих людей, чья молодость пришлась на войну, уже нет в живых. Мы помним о них и о нашем общем учителе Сергее Павловиче Толстове. Вот почему накануне 50-летия великой победы мы решили рассказать о военных годах его жизни.

Примечания

- ¹ Под семейными преданиями мы имеем в виду то, что было рассказано Ладой Сергеевной Толстовой (1927—1991 гг.) М. М. Рожанской и В. Д. Берестову. Данные о С. Е., П. С. и В. С. Толстовых и их фотографии приведены в самом начале книги С.[Д.] Толстова «Побег» (М., 1992. С. 2, 3).
- ² Академия наук СССР. Институт этнографии СССР. Личное дело № 68. Авторы благодарны Г. З. Бахчиеву, ознакомившему их с этим документом, а также с некоторыми данными из подготовленной им работы по истории института.
- ³ Отсюда и любимый синий китель, и азарт на охоте, и усы. Утверждение Г. Анохина (см. «Комсомольскую правду», 27.09.1994) о подражании Сталину нелепо. Кстати, трубки С. П. Толстов не курил никогда.
- ⁴ Личное дело № 68.
- ⁵ *Беляский М. Т., Вдовин А. И., Донченко В. Н. и др.* Московский университет в Великой Отечественной войне (Предисловие К. М. Симонова). М., 1975. С. 135.
- ⁶ Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 / Ред. А. М. Пегов. М., 1978. Док. № 122. С. 185.
- ⁷ Там же. № 34. С. 60.
- ⁸ Московский университет... С. 83.
- ⁹ В свое время любили, например, вспоминать, что Артемий Владимирович Арциховский, будучи «иноходцем», никак не мог маршировать в строю.
- ¹⁰ Московский университет... С. 137.
- ¹¹ Там же. С. 138. В книге «Топрак-кала. Дворец» (М., 1984. С. 7) сказано, что С. П. Толстов во время боев под Москвой был капитаном. На самом деле это звание он получил позднее при постановке на воинский учет.
- ¹² Ополчение на защите Москвы. № 34. С. 59; Московский университет... С. 137.
- ¹³ Ополчение на защите Москвы. № 82. С. 140.
- ¹⁴ Там же. № 122. С. 186; Московский университет... С. 141.
- ¹⁵ *Вишняков Б. М., Ткаченко Г. Н.* Ополченцы в боях за Родину. М., 1985. С. 5; Ополчение на защите Москвы. № 122. С. 187.
- ¹⁶ Народное ополчение Москвы. М., 1961. С. 170.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Московский университет... С. 143.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 145, 147.
- ²¹ Там же. С. 146.
- ²² *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1985. С. 203.
- ²³ Ополченцы на защите Москвы. № 122. С. 189.
- ²⁴ Позднее, увидев такой грузовичок на Талайхан-ате, где работал отряд О. А. Вишневской, красочно снаряженные геологи были убеждены, что он доставлен на самолете в разобранном виде, так как пробиться туда через пески подобная машина, по их мнению, никак не могла.
- ²⁵ *Берестов В. Д.* Приключений не будет. М., 1962. С. 14.
- ²⁶ Ополченцы на защите Москвы. № 122. С. 188.
- ²⁷ Личное дело № 68. Автобиография. С. 2; Ополченцы на защите Москвы. № 122. С. 188.
- ²⁸ С. Т. А. Жданко беседует В. А. Тишков // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1994. № 1. С. 125.
- ²⁹ *Вайнштейн С. И.* Борис Осипович Долгих: дни и деяния подвижнической жизни // ЭО. 1992. № 1. С. 110.
- ³⁰ Личное дело № 68; Автобиография. С. 2.
- ³¹ Сведения о составе ученых, эвакуированных в Ташкент и работавших там в военные годы, имеются в двухтомнике: *Лунин Б. В.* Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, Т. I. Ташкент, 1976; Т. II. 1977 (в дальнейшем — *Лунин Б. В.* Очерки). Автор приводит биографии не только ученых Узбекистана, но и Москвы, Ленинграда, «посвятивших часть своих трудов изучению прошлого и настоящего Узбекистана». См. также: *Лунин Б. В.* Востоковедение в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 7; *Ахунова М. А., Луниц Б. В.* История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. Ташкент, 1970. С. 83—90.
- ³² *Лавров Л. И.* В осажденном Ленинграде // Советская этнография (далее — СЭ). 1975. № 4. С. 3—6. Л. И. Лавров, этнограф-кавказовед, ополченец так образно описал судьбу своего института в осажденном городе-герое, что трудно даже назвать его рассказ «статьей»: столько в нем горестных переживаний автора. См. также: *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады. М.; Л. 1962.
- ³³ Названным ученым выражена благодарность института истории и археологии АН УзССР в предисловии к первому тому «Истории народов Узбекистана» (Ташкент, 1950).
- ³⁴ *Ахунова М. А., Луниц Б. В.* Указ. раб. С. 120.
- ³⁵ *Лунин Б. В.* Очерки. Т. II. С. 135.
- ³⁶ Там же. С. 169—171, 346—347; т. I. С. 210—211. См. также: *Лунин Б. В.* Этнографические исследования в Советском Узбекистане в 30—40-х годах // Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 11. С. 54.
- ³⁷ Сессия по этногенезу Средней Азии // Советская этнография. Сборник статей. VI—VII. М.; Л., 1947 (Программа, тезисы докладов).

- ³⁸ Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. // Сессия по этногенезу... С. 304. См. также: Жданко Т. А. Этническая история и историко-культурные связи народов Средней Азии и Казахстана в трудах этнографов // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. М., 1990. С. 105.
- ³⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. (Тезисы докторской диссертации, защищенной на заседании ученого совета Института истории АН СССР 31 августа 1942 г.) // Кратк. сообщ. ин-та истории Материальной культуры. Вып. 13. М., 1946. С. 143—150.
- ⁴⁰ Протокол № 23 заседания Президиума АН СССР от 21 декабря 1942 г., п. 4 (Архив Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 6-а. Д. 35. Л., 146—147. См. также: Рабинович М. Г. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны // СЭ. 1946. № 1. С. 226.
- ⁴¹ В 1944 г. после снятия блокады вернулись в Ленинград Н. Н. Степанов, Д. А. Ольдерогге, Г. М. Василевич, А. А. Попов, М. А. Сергеев и др. См. Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 230.
- ⁴² О судьбе Б. О. Долгих см.: Вайнштейн С. И. Указ. раб. С. 119—129.
- ⁴³ В личном деле С. П. Толстова, в большой пачке телеграмм, присланных в Институт этнографии с соболезнованиями в связи с кончиной Сергея Павловича, мы обнаружили телеграмму В. В. Бунака: «Глубоко скорблю о трагической кончине дорогого Сергея Павловича основателя института и советской этнографии тчк храню благодарность за поддержку в тяжелые для меня периоды жизни — Бунак».
- ⁴⁴ Алексеев В. П. Общенье // ЭО. 1993. № 1. С. 145—146, 147.
- ⁴⁵ Токарев С. А., Рабинович М. Г. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // СЭ. 1975. С. 227.
- ⁴⁶ См. например, Токарев С. А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. (Проблемы периодизации) // СЭ. 1951. № 2; *его же*. Советская этнография за 40 лет // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2; Токарев С. А., Рабинович М. Г. Указ. раб.; Рабинович М. Г. Указ. раб.; Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии; Толстов С. П. 40 лет советской этнографии // СЭ. 1957. № 5; *его же*. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // СЭ. 1960. № 6 и др.
- ⁴⁷ Токарев С. А., Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 9—12.
- ⁴⁸ Соколова В. К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны // СЭ. 1975. № 3.
- ⁴⁹ Крупянская В. Ю., Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны // Тр. ИЭ АН СССР. Т. XIX. М., 1953 и др.
- ⁵⁰ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 229—230.
- ⁵¹ Попытка включиться в эту дискуссию и в научные поиски ученых тех давних военных лет была недавно сделана В. А. Шнирельманом (ЭО. 1993. № 3). Однако, к сожалению, эта статья не лишена тенденций и стиля идеологического «разоблачительства», столь характерных для критики иных времен, миновавших, надо надеяться, безвозвратно.
- ⁵² Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 230—231.
- ⁵³ Этот эпизод, возможно, окажется небезынтесным для автора, поставившего имя С. П. Толстова в непосредственной близости от слова «Память».
- ⁵⁴ Сейчас он крупный ученый, бессменный глава Каракалпакского отделения АН Узбекистана, академик.

The War years in the life of S. P. Tolstov

Despite being a Moscow University Professor, Serguei Pavlovich Tolstov joined the people's emergency volunteer corps in 1941 and participated in combat operations as an artillery scout. Having been wounded in the vicinities of Moscow, he was demobilized and returned to active scientific work. He was appointed Director of the Institute of Ethnography which was founded in Moscow during the war years. At the Institute, both in its Moscow and in Leningrad branches, the country's most distinguished anthropologists and ethnographers worked under S. P. Tolstov's directorship.

The authors also describe how some of our fellow ethnographers worked and died in the blockaded Leningrad, as well as the activities of the Institute in evacuation in Tashkent.

T. A. Zhdanko, Yu. A. Rapoport